

 Андрей
Аствацатуров
Зеркала
и паутина

Андрей
Аствацатуров
Зеркала
и паутина

Роман

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А91

Художественное оформление АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Аствацатуров, Андрей Алексеевич.

А91 Зеркала и паутина : роман / Андрей Аствацатуров. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2026. — 412, [4] с. — (Интеллигент
Аствацатуров).

ISBN 978-5-17-184613-8

Андрей Аствацатуров — петербургский прозаик, филолог, эссеист, профессор СПбГУ. Автор романов “Люди в голом”, “Скунскамера”, “Осень в карманах”, “Не кормите и не трогайте пеликанов” и книги эссе “Хаос и симметрия”.

Роман “Зеркала и паутина” живо и остроумно соединяет в себе лучшие традиции “университетского”, городского и психологического романа. Автор ведет своего героя, а вместе с ним и читателя, сквозь сетку институтских будней, любовных интриг и интриг коллег на работе, сквозь нравственные искушения, сквозь детективные загадки и комичные истории в полузабытое, сданное в архив советское зазеркалье. Именно там он находит разгадку событий настоящего, разгадку собственной личности и человеческой природы.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-184613-8

- © Аствацатуров А.А.
- © Бондаренко А.Л., художественное оформление
- © ООО “Издательство АСТ”

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1

ДАЧА

8 июля 2002 года. Утро

11

ЧАСТЬ 2

ЭЛЕКТРИЧКА

8 июля 2002 года. Утро продолжается

83

ЧАСТЬ 3

АРХИВ

20 марта 2003 года

177

ЧАСТЬ 4

ИНСТИТУТ

9 апреля 2003 года

299

Памяти
Роберта Пенна Уоррена

*Автор выражает глубочайшую признательность
Валерию Айрапетяну, Михаилу Елизарову,
Петру Ротману, Ксении Аствацатуровой,
Ярославу Добронравову и Герману Садулаеву
за помощь в работе над романом
и ценные советы.*

ЧАСТЬ 1
ДАЧА

8 июля 2002 года. Утро

Я живу на даче. Кто-то живет на вилле Боргезе, кто-то — в отеле “Винслоу”. А я — на даче, в Комарово. Сейчас раннее утро, и я пребываю в напряженных поисках, умственных и физических. Ищу потерявшийся носок. Я, если кто не знает, ученый и еще вдобавок — преподаватель. Пишу статьи, делаю доклады, читаю лекции, донимаю студентов на экзаменах. Раньше, в эпоху СССР, это был почетный, уважаемый труд. Не такой, конечно, как труд шахтера, или там летчика, или инженера-изобретателя, или кого-то еще, но, так или иначе, уважаемый. И даже порой высокооплачиваемый. А теперь всё изменилось. До ученых, до всех этих статей, докладов, лекций никому нет дела. Даже их собственным носкам. Ну вот кто я такой для своего носка? Никто. Тощий манекен с провисшими плечами, с плоским тулови-

щем, с обычным именем — Кирилл и еще более обычной фамилией — Богданов. Носок скорее предпочтет валяться где-нибудь в пыли под столом или под кроватью, где паутина, чем сидеть у меня на ноге. “Где-но-сок? Где-но-сок?” В голове уже стучат колеса электрички, на которую, между прочим, можно опоздать, если сейчас же не поторопиться. “Где-но-сок?”

Да, и еще меня бросила женщина. Всё случилось три недели назад, причем так банально, прозаически. Возле магазина, откуда я победно вышел с двумя пакетами гречки. Взглянула на меня, тихо прожурчала: “Я устала, я ухожу” — и пошла к станции, легко покачивая бедрами, будто только что избавилась от лишних килограммов.

“Где-но-сок?” Друзей тоже нет. Пропали, разбрелись, растерялись. Остался только Женька Шульман, дурак и пьяница. Вот у некоего немца по фамилии Розен, который жил двести лет назад, до исторического материализма, был друг Шуман. Роберт Шуман, великий композитор. А мне судьба вместо Шумана подсунула какого-то, извиняюсь, Шульмана. Женьку Шульмана. Мол, прости, родной, других друзей у меня для тебя нет. Да, не те пошли нынче друзья...

Где же этот проклятый носок? Включаю верхний свет и оглядываю комнату. Здесь прошла вся моя жизнь. Ну, или почти вся. Предметы на своих прежних местах. Расставлены по углам, как наказанные дети. Громоздкая металлическая кровать с матрасом, где еще заметен след моего тела, венский стул, этажерка, пустая, без книг, платяной шкаф салатного цвета с большим зеркалом на левой створке. Посре-

дине комнаты журнальный столик, ободранный по краям и похожий на пожилую таксу. На нем стоит грязный стакан. Столик со стаканом наклонно отражается в зеркале шкафа, а зеркало шкафа — на полированной поверхности столика. Отражение возвращает отражение, чтобы сделаться снова отраженным, чтобы запутать взгляд в дурацкой паутине отражений, да так ловко, что я никогда не могу разобрать, где тут копия, а где оригинал.

Всё это остатки нашей прежней жизни в СССР. Окна закрыты, сюда не проникает ни солнце, ни дождь, ни ветер. Только пыль лезет из щелей. И еще мыши. Где носок? Куда он сбежал? Разве можно сбежать из СССР? Но мы ведь сбежали в девяносто первом. Думали, закончим поскорее старое, начнем новое, вот это. А “вот это” оказалось нашим отражением в старом зеркале на створке салатного шкафа.

Какой сейчас год? Да никакой... Какая, к чертям собачьим, разница? Это раньше, помните (хотя кто это помнит), при СССР, были годы, месяцы, дни. В детстве они шли, потом бежали, затем летели. А сейчас угомонились, замерли, заплесневели. И мы вместе с ними тоже угомонились и заплесневели. Даже Женька Шульман. В школе он у нас был первым футболистом. А теперь целыми днями сидит в своей квартире, которую он превратил в студию, фотографирует голых выбритых красавиц и никуда не выходит. Неугомонным, торопливым остался только Димка Троекуров. В нашем классе мы его называли Трояк, из-за фамилии и еще потому, что он учился на одни тройки.